



ЭКОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

В. И. ЕРМОЛОВИЧ

РЕАЛЬНЫЕ ДОГОВОРЫ В ПРАВЕ ДРЕВНЕГО РИМА И СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

В статье исследуются договоры займа, залога и хранения в римском частном праве и праве средневековой Сербии как реальные соглашения. Проанализирован механизм содержания и правоприменения реальных договоров и возникновения из них обязательственных отношений. Рассмотрен процесс рецепции норм реальных договоров римского частного права в правовую систему средневековой Сербии.

Ключевые слова: реальные договоры; римское частное право; право средневековой Сербии.

УДК 34(37)091:347.4(09)(4)

Сущность реального договора в римском частном праве состояла в передаче вещи (*datio rei*) в собственность или во владение. Использование реальных договоров в Древнем Риме совпадает с правоприменением норм Законов XII таблиц. Именно в те времена начали применять кондикции *de certa credita rescupia* и *de omni certa re*, что свидетельствует о практическом санкционировании наиболее раннего вида реального договора — *mutuum* (займ). Вероятнее всего это случилось в IV в. до н. э. Использование договора займа было явлением распространенным не только среди римских граждан, но и иностранцев (*peregrini*), поскольку сделки коммерческого характера в те времена наблюдались в пределах всего Средиземноморья [1, 365].

После введения правовой защиты, связанной с передачей вещи как формой *mutuum*, передача вещи стала признанной формой заключения договоров и в других случаях: например, когда должнику передавалась какая-либо вещь для пользования или когда ему передавалась вещь на хранение, как и в случае, когда вещь передавалась в форме гарантии погашения обретенного долга. Именно так возникли в римском частном праве четыре наиболее известных реальных контракта: *mutuum*, *commodatum*, *depositum* и *pignus* [2, 245].

Виктор Иванович ЕРМОЛОВИЧ (jermalovich7@gmail.com), кандидат исторических наук, доцент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

В указанных сделках одна сторона (заимодавец) передавала деньги или другие вещи другой стороне (заемщику) посредством процедуры передачи вещи (*traditio*), поскольку речь идет о *res nec mancipi*. Заемщик же, получая деньги или другие заменяемые вещи, принимал на себя обязательство по возвращению их в объеме *tantundem eiusdem generis*, т. е. той же суммы денег или таких же вещей и аналогичного их качества.

В ходе процедуры передачи вещи устанавливалась собственность заемщика. На практике это означало, что договор займа мог быть заключен только собственником. Мнимый заем, т. е. передача заемщику вещей со стороны не их собственника, влекло за собой юридические последствия, которые выражались в недействительности заключенного договора. В таком случае переданная заемщику вещь подлежала обязательному возврату. Возврат предмета осуществлялся в рамках процедуры *rei vindicatio* в том случае, если вещь не использовалась по своему назначению, а если заемщик уже употребил полученные предметы, тогда вступала в силу процедура *condictio sine causa*.

По своему характеру *mutuum* являлся односторонним договором. Следовательно, заимодавцы обретали права из его содержания, а заемщики только обязанности. Основным правом заимодавца (кредитора) по договору займа было право требовать возвращения того же количества однородных вещей, которые были получены заемщиком. При этом кредитор не имел никаких других прав, в особенности не имел права требовать какого-либо возмещения. *Mutuum* являлся лукративным договором, поэтому проценты по нему не предполагались.

Основным обязательством заемщика, т. е. должника, являлся возврат кредитору того же количества однородных вещей, который он принял при заключении займа. Это обязательство должник должен был выполнить по требованию кредитора, если срок выполнения обязательства не был установлен, или за время, в которое обязывался перед кредитором. Других обязанностей должник не имел. Данное положение детально регламентировано во фрагменте XXXXI, титула I, книги XLV Дигестов Юстиниана: «*Ulpianus libro quinquagesimo ad Sabinum Eum, qui «kalendis Ianuariis» stipulatur, si adiciat «primis» vel «proximis», nullam habere dubitationem palam est: sed et si dicat «secundis» vel «tertiis» vel quibus aliis, aequè dirimit quaestionem. Si autem non addat quibus Ianuariis, facti quaestionem inducere, quid forte senserit, hoc est quid inter eos acti sit (utique enim hoc sequimur quod actum est), easque adsumemus. Si autem non appareat, dicendum est quod Sabinus, primas kalendas Ianuarias spectandas. Plane si ipsa die kalendarum quis stipulationem interponat, quid sequemur? Et puto actum videri de sequentibus kalendis. 1. Quotiens autem in obligationibus dies non ponitur, praesenti die pecunia debetur, nisi si locus adiectus spatium temporis inducat, quo illo possit perveniri. Verum dies adiectus efficit, ne praesenti die pecunia debeatur: ex quo apparet diei adiectionem pro reo esse, non pro stipulatore. 2. Idem in idibus etiam et nonis probandum est et generaliter in omnibus diebus».* — «...Если тот, кто стипулирует «в январские календы», прибавит «в первые» или «в ближайшие», то в его словах нет никакой двусмысленности. Но и тот, кто скажет «во вторые», или «в третьи», или в какие-то другие, равным образом снимает вопросы. Если же он не прибавил, какой январь (имеется в виду), то считается, что он мог иметь в виду, то есть какого рода сделка была между ними заключена — ведь мы всегда следуем сделке, — и эти (календы) и принимаем. Если же это не ясно, то надо будет сказать, как это и сделал Сабин, что следует принимать в расчет ближайшие календы. Ну а если кто-то совершил стипуляцию в самый день календ, то какому тогда сроку мы будем следовать? И я считаю, что в сделке имелись в виду следующие календы. § 1. Если же к обязательствам не прибавлен срок,

то денежный долг возникает с настоящего дня, если только указанием места исполнения не вводится определенный промежуток времени, за который туда можно добраться. ... Упоминание срока влечет то, что денежный долг не возникает с настоящего дня, т. е. упоминание срока служит интересам обещающего (должника), а не стипулировавшего (кредитора). § 2. То же самое следует сказать и об идах, и о ногах, и вообще о любом дне' [3, 54].

Заем по своей природе не являлся ростовщическим актом, поскольку не предполагал выплату процентов (*usurae*). Но в коммерческой практике еще в эпоху, предшествующую возникновению займа как юридического института, имела место *stipulatio usurarum*, при которой прибыль могла достигать 200 % [1, 365]. Например, в норме XVIII, таблицы VIII Законов XII таблиц находит закрепление следующее положение: «...Предки наши имели обыкновение и положили в законах присуждать вора к уплате двойной стоимости [украденной вещи], ростовщика к взысканию в четырехкратном размере полученных процентов» [4, 12]. Данный факт объясняется тем, что в таблице VIII указанного закона было закреплено постановление о том, чтобы никто не брал более одного процента [в месяц], тогда как до этого «...бралось по прихоти богатых» [4, 12].

В данном случае мы имеем дело с дополнительной *stipulatio*, которая породала обязанность уплатить проценты по ссуде. Практика взимания процентов имела чрезвычайно широкое распространение: например, известный политический деятель Катон (нач. II в. до н. э.), несмотря на все его морализаторские тирады, не брезговал заниматься ростовщичеством [1, 365]. В связи с этим следует признать, что Римское государство неоднократно возобновляло действия законов об ограничении ссудного процента (*leges fenebres*) с целью уничтожения ростовщичества и всякого рода ухищрений, с помощью которых римляне пытались преодолеть законодательно установленный размер процентной ставки. Уровень этой ставки сильно колебался в период поздней Республики, пока не возвратился к отметке в 100 % годовых, установленных еще Законами XII таблиц. Только в более поздние времена, под влиянием идей христианства, уже в постклассический период максимальная процентная ставка была снижена до 50 % годовых. В этот же период была запрещена и практика анатоцизма, т. е. учета процентов по процентам. Данное положение нашло юридическое закрепление в нормах книги XII, титула VI, фрагмента XXVI, § 1. Дигестов Юстиниана: «*Supra duplum autem usurae et usurarum usurae nec in stipulatum deduci nec exigi possunt et solutae repetuntur, quemadmodum futurarum usurarum usurae*». — 'Проценты свыше двойного (размера капитала) и проценты на проценты не могут быть включены в стипуляцию и не могут быть предметом требования, а уплаченные — могут быть истребованы обратно, так же как проценты на будущие проценты' [5, 112]. На случай невозвращения займа займодавец был обеспечен иском *actio certae creditae pecuniae* (если заем был денежный). Данное положение отражено в титуле CLXXI книги IV Институций Гая: «*Pecuniaria poena modo iurisiurandi religione coercendam esse: eaque praetor quoque (tuetur). Ideo ex parte eius, cum quo agitur, aduersus infitiantes ex quibusdam causis dupli actio constituitur, uelut si iudicati aut depensi aut damni iniuriae aut legatorum per damnationem relictorum nomine agitur, ex quibusdam causis sponsionem facere permittitur, uelut de pecunia certa credita et pecunia constituta; sed certae quidem creditae pecuniae tertiae partis, constitutae uero pecuniae partis dimidiae*». — 'Уже Древнее право предпринимало попытки обуздать необоснованное возбуждение исков с помощью денежных штрафов и клятвы богам; за этим также наблюдает претор. Поэтому в некоторых случаях против отрицающих свою вину ответчиков вчиняется иск о двойном вознаграждении, как например, при *fortio*

judicati, depensi, damni injuriae и при отказах per damnationem. В некоторых случаях разрешается совершать спонсию, например, по поводу определенной заемной денежной суммы, или в случае подтверждения долга, которое должник давал кредитору в форме словесного или письменного обещания, когда сумма спонсии (т. е. пеня) равнялась при credita pecunia одной трети, при pecunia constituta половине спорной (долговой) суммы, т. е. размером в 50 %' [6, 326].

Иск *condictio certae rei* применялся, если заем был предоставлен в виде каких-либо заменимых вещей. Весьма показательной для римского частного права является норма, изложенная в титуле III книги XIII Дигестов Юстиниана: «In hac actione si quaeratur, res quae petita est cuius temporis aestimationem recipiat, verius est, quod Servius ait, condemnationis tempus spectandum: si vero desierit esse in rebus humanis, mortis tempus, sed en platei secundum Celsum erit spectandum: non enim debet novissimum vitae tempus aestimari, ne ad exiguum pretium aestimatio redigatur in servo forte mortifere vulnerato. In utroque autem, si post moram deterior res facta sit, Marcellus scribit libro vicensimo habendam aestimationem, quanto deterior res facta sit: et ideo, si quis post moram servum eluscatum dederit, nec liberari eum: quare ad tempus morae in his erit reducenda aestimatio». — 'Если в отношении данного иска возникает вопрос: исходя из какого времени следует произвести оценку истребуемой вещи? — то более правильно мнение, высказанное Сервием, что следует иметь в виду время вынесения судебного решения; если же (раб) перестал существовать среди человеческих вещей, (то следует иметь в виду) время смерти; но, согласно Цельсу, следует рассматривать вопрос во всем его объеме. Не следует оценивать раба по самому последнему времени жизни, чтобы оценка смертельно раненного раба не была сведена к незначительной сумме. Но в обоих случаях, если вещь ухудшилась после наступления просрочки, то, как пишет Марцелл в 20-й книге (дигест), нужно сделать оценку, насколько вещь ухудшилась. И поэтому если кто-либо после наступления просрочки дал раба с выбитым глазом, то он (ответчик) не может быть освобожден от ответственности; поэтому в таких случаях оценка должна быть отодвинута ко времени наступления просрочки' [5, 154].

За возможную гибель вещи, происшедшую уже после процедуры *datio rei*, отвечал заемщик (*res perit domino*).

Итак, заем (*mutuum*) являлся реальным, односторонним договором, который возникал вследствие передачи заменяемых вещей, в частности денег, в собственность другому лицу, именуемому заемщиком, с обязательством возвращения полученного в равном количестве и того же качества. Римский юрист Павел в XXVIII книге Комментариев к эдикту договор займа охарактеризовал следующим образом: «...Mutuum damus recepturi non eandem speciem quam dedimus (alioquin commodatum erit aut depositum), sed idem genus: nam si aliud genus, veluti ut pro tritico vinum recipiamus, non erit mutuum». — 'Мы даем займы с намерением получить обратно не ту же самую вещь, которую мы дали, (иначе это будет ссуда или сдача на хранение), но вещь того же рода; ибо если бы был другой род, например вместо пшеницы мы получили бы вино, то не было бы займа' [5, 22].

Для возникновения займа необходимыми и достаточными были следующие условия.

1. На получателя переносилось право собственности в отношении предоставленных заменяемых вещей. По мнению римских юристов, не имело значения, переносится ли право собственности непосредственно или косвенно. Следовательно, обстоятельство возникало и в том случае, если заимодавец дал вещь с тем условием, чтобы получатель продал ее и вырученную сумму

удержал в виде займа. Данная точка зрения отражена во фрагменте XI титула I книги XII Дигестов Юстиниана: «...Rogasti me, ut tibi pecuniam crederem: ego cum non haberem, lancem tibi dedi vel massam auri, ut eam venderes et nummis utereris. Si vendideris, puto mutuum pecuniam factam. Quod si lancem vel massam sine tua culpa perdidideris prius quam venderes, utrum mihi an tibi perierit, quaestionis est. Mihi videtur Nervae distinctio verissima existimantis multum interesse, venalem habui hanc lancem vel massam nec ne, ut, si venalem habui, mihi perierit, quemadmodum si alii dedissem vendendam: quod si non fui proposito hoc ut venderem, sed haec causa fuit vendendi, ut tu utereris, tibi eam perisse, et maxime si sine usuris credidi». — ‘Ты меня просил, чтобы я доверил тебе деньги взаймы; так как я не имел денег, то я дал тебе чашу или слиток золота, чтобы ты это продал и воспользовался вырученными деньгами. Если ты продал, то я считаю, что деньги даны взаймы. Если же ты потеряешь без твоей вины чашу или слиток раньше, чем ты их продашь, то спрашивается: погибла вещь во вред мне или тебе? Мне кажется, что весьма правильно установлено различие Нервой. Нерва считает, что имеет большое значение факт, были ли у меня эта чаша или слиток продажными или нет; если я имел их для продажи, то погибло во вред мне, хотя я и дал это другому для продажи; если я не предполагал продать это, но причиной продажи было стремление, чтобы ты воспользовался деньгами, то погибло во вред тебе, в особенности, если я дал тебе взаймы без процентов’ [5, 30].

2. Получатель брал на себя обязательство возвратить полученное в равном количестве и того же качества, не требуя при этом установления времени его возвращения.

Кроме классического договора займа в римском частном праве были известны и другие виды займов. Например, *foenus nauticum* или *pecunia trajecticia*, являвшиеся также договорами займа, которые заключали кредиторы с морскими продавцами для ведения морской торговли. При займах такого рода допускалось взимание высоких процентов — до 1 000 % [1, 366]. Договор такого характера учитывал все риски, которым подвергался судовладелец, и целиком окупался его счастливым возвращением из заморской торговой экспедиции. Именно оттуда и возникло довольно странное условие (*condicio*) этого займа: «Если корабль вернется из Азии!» (D. XXII. II. V). Кроме того, существовали и общественные займы, или займы отдельных самоуправляющихся органов (*civitates*), которые заключались на основании специальных предписаний и независимо от правил договоров займа между гражданами.

Договор ссуды, как и договор займа, был реальным контрактом в римском частном праве, т. е. обязательство из данного договора возникло вследствие передачи вещи ссудополучателю (пользователю). Но в отличие от займа, который предоставлялся для потребления, ссуда (*commodatum*) предназначалась для сделок с вещами как незаменимыми, так и непотребляемыми, т. е. мы имеем дело с реальным контрактом, который возникал путем передачи вещи в *detentio* другому лицу (*commodatarius*) для пользования, без вознаграждения, с уговором, что *commodatarius* по использовании отдаст вещь назад ссужающему лицу. Об этом свидетельствуют и мнения авторитетнейших римских юристов Помпония и Ульпиана, которые закреплены во фрагментах VIII и IX, титула VI, книги XIII Дигестов Юстиниана: «*Pomponius libro quinto ad Sabinum Rei commodatae et possessionem et proprietatem retinemus. Ulpianus libro secundo ad edictum Nemo enim commodando rem facit eius cui commodat*». — ‘Помпоний в V книге «Комментариев к Сабину» указал: Мы сохраняем за собой и владение, и собственность на вещь, данную в ссуду. Ульпиан же во II книге «Комментариев к эдикту» подчеркнул, что никто путем предоставления вещи в ссуду не делает вещь принадлежащей тому, кому он дает в ссуду’ [5, 192].

Известный русский романист, профессор И. Б. Новицкий в свою очередь полагал, что «предметом договора ссуды может служить только индивидуальная вещь, ибо только такую вещь можно вернуть по окончании пользования без замены другой; если, например, предметом договора является охапка дров на топку печи, то, как только дрова сгорят, возврат тех самых дров, какие были получены, станет невозможным, и речь может идти только о возврате такого же количества того же рода вещей (т. е. это будет договор займа)» [7, 169].

Германский профессор Ю. Барон считал, что предметом ссуды могут служить вещи как движимые, так и недвижимые, как потребляемые, так и непотребляемые, притом как ссудодателя, так и чужие [8, 696]. В данном случае будет уместно вспомнить и о мнении итальянского романиста, профессора Д. Франчози, который в своих работах только в виде исключения называет использование некоторых потребляемых вещей, но «предоставленных только для использования их прекрасного внешнего вида: на торжествах и праздничных представлениях (*commodatum ad pompam et ostentationem*) [1, 369]. У Ю. Барона по данному вопросу никаких замечаний мы не встречаем. Он потребляемые вещи в полной мере, без всяких ограничений, причисляет к сфере предмета ссуды.

Из вышеизложенного следует, что предметом договора ссуды могли быть лишь незаменимые вещи, т. е. вещи, которые ссудополучатель должен был вернуть *in specie*. Если же предметом договора являлись вещи, обычно определяемые *in genere* или как потребляемые вещи, а стороны не подтвердили, что требуют возвращения именно данных предметов, то договор ссуды не обретал юридической силы. В таком случае устанавливался договор займа, или договор депозита.

Договор ссуды в римском частном праве являлся двусторонним неравным договором, который заключался как односторонний, но за время своего действия мог трансформироваться в двусторонний. Из этого следует, что во время заключения договора ссудодатель получал лишь права, а ссудополучатель — обязанности.

Основным правом ссудодателя являлось право требовать от ссудополучателя содержания предмета ссуды в соответствии с договором и возвращения его неповрежденным в предусмотренное время и в установленном месте. Для реализации своих прав ссудодатель мог использовать *actio commodati directa* и даже *actio furti*, если ссудополучатель пользовался предметом ссуды в других целях, которые не были предусмотрены в договоре.

Обязательства ссудополучателя были коррелятивными правами ссудодателя. На основании договора ссуды ссудополучатели обязывались содержать предмет ссуды и нести все расходы по его содержанию. Они обладали правом пользоваться предметом в целях, оговариваемых в договоре, и должны были возвратить его в целостности и сохранности, в установленном месте и времени. По указанным обязательствам ссудополучатели несли ответственность даже в случае *casus leviores*, т. е. в случае утраты предмета не по своей вине [2, 248].

В виде исключения, на основании договора ссуды могли устанавливаться определенные права и для ссудополучателя. Например, в случае преждевременного истребования ссуженной вещи, ссудополучатель (*commodatarius*) имел право на предъявление встречного иска из ссуды (*actio commodati contraria*). Об этом свидетельствует и норма из фрагмента XXI, титула VI, книги XIII Дигестов Юстиниана: «...*Rem mihi commodasti: eandem subripuisti: deinde cum commodati ageres nec a te scirem esse subreptam, iudex me condemnavit et solvi: postea comperi a te esse subreptam: quaesitum est, quae mihi tecum actio sit, respondit furti quidem non esse, sed commodati contrarium iudicium utile mihi fore*». — «...Ты дал мне вещь в ссуду, затем похитил ее,

потом, когда ты предъявил иск, вытекающий из ссуды, я не знал, что вещь похищена тобой, судья меня присудил (к возмещению ущерба), и я уплатил согласно судебному решению. Впоследствии я узнал, что вещь похищена тобой. Спрашивается: какой иск мне принадлежит против тебя? Ответ: нет иска, вытекающего из кражи, но у меня будет по аналогии обратный иск из договора ссуды' [5, 200].

Еще одним из распространенных реальных договоров был договор хранения (*depositum*). Договор хранения или поклажи как реальный контракт в римском частном праве возникал путем передачи движимой вещи в *detentio* другому лицу с уговором, что он *depositarius*, т. е. поклажеприниматель, будет ее сохранять и затем возвратит поклажедателю (*deponens*).

Данный вид договора характеризовался следующими признаками:

1. *Depositum* — контракт реальный. Обязательство из него возникало посредством передачи вещи. При этом предметом договора хранения являлась вещь конкретно определенная;

2. Условие договора не требовало, чтобы поклажедатель был собственником вещи, передаваемой на хранение. Он мог отдавать на хранение и чужую вещь, которая находилась в его пользовании либо в закладе. Не могла быть предметом договора хранения только вещь, принадлежащая поклажепринимателю;

3. Поклажеприниматель должен был хранить и возвратить вещь по требованию поклажедателя. На данный факт нам указывает постановление, закрепленное в § XLVI, фрагмента I, титула III, книги XVI Дигестов Юстиниана: «*Proinde et si sic deposuero, ut post mortem meam reddatur, potero et ego et heres meus agere depositi, ego mutata voluntate*». — 'Если я сдам на хранение с тем, чтобы было возвращено после моей смерти, то предъявить иск, вытекающий из хранения, смогу и я, и мой наследник; я также смогу изменить свою волю' [5, 422]. Кроме того, он должен был также выдать все плоды, извлеченные им из вещи и уплатить вознаграждение за самовольное пользование вещью. На это указывает нам § XXIV, фрагмента I, титула III, книги XVI Дигестов Юстиниана, который гласит: «*...Et ideo et fructus in hanc actionem venire et omnem causam et partum, dicendum est, ne nuda res veniat*». — '...Следует сказать, что иск из хранения распространяется и на плоды, и на приплод, и на любые другие доходы от сданной на хранение вещи, а не только на саму вещь' [5, 414];

4. Существенным признаком указанного в договоре являлась безвозмездность;

5. Вещь могла передаваться по данному договору на хранение на определенный срок или до востребования. Исходя из этого, включение в договор срока хранения — несущественно.

Договор хранения (подобно договору ссуды) не устанавливал равноценных, эквивалентных прав и обязанностей для той и другой стороны. Из договора следовало требование в отношении поклажедателя о возврате вещи. Данное требование было защищено прямым иском — *actio depositi directa*.

В свою очередь на поклажепринимателе лежала обязанность хранить вещь в течение определенного времени, а затем по требованию поклажедателя — вернуть ее. Это основное обязательство, вытекающее из договора *depositum* в римском частном праве, хотя безвозмездный характер хранения ослаблял требование к хранителю. Достаточно вспомнить древнеримский афоризм: «*custodiam non praestat*». Однако, на наш взгляд, не целесообразно игнорировать и мнение профессора И. Б. Новицкого о том, что «хранитель не отвечает за то, будет ли принята вещь в сохранности или нет: поскольку хранитель вещи был обязан ее вернуть, и это его обязательство являлось юридическим, защищенным с помощью иска, очевидно, он не мог не отвечать за целость и сохранность вещи» [7, 174].

Если же депозитарий отказывался вернуть вещь, то поклажедатель имел право на предъявление иска *actio depositi in factum*, в более поздние времена можно было требовать возмещения на основании *actio depositi in ius*, т. е. иска, который рассматривался в форме *iudicium bonae fidei*. При этом следует отметить, что в праве классического периода депозитарий отвечал только за злой умысел, преступное намерение именуемое *dolus*.

Депозитарию, в том случае если он претерпел определенный ущерб или понес расходы, связанные с хранением вещи, было предоставлено право на предъявление *actio depositi contraria* в отношении депонента. Например, в V фрагменте титула III, книги XVI Дигестов Юстиниана изложено мнение римского юриста Ульпиана из его XXX книги Комментариев к эдикту, которое гласит: «*Ulpianus libro trigensimo ad edictum Ei, apud quem depositum esse dicitur, contrarium iudicium depositi datur, in quo iudicio merito in litem non iuratur: non enim de fide rupta agitur, sed de indemnitate eius qui depositum suscepit*». — ‘Тому, кому сдано на хранение, дается обратный иск, вытекающий из договора хранения; по справедливости при этом иске не приносится присяга об оценке спора, ибо дело идет не о нарушении честности, но о возмещении убытков того, кто принял вещь на хранение’ [5, 422]. Вместе с тем поклажедатель также наделялся правом на предъявление депозитарию иска в виде *actio depositi directa*.

В римском частном праве обычный (ординарный) депозит отличался от необходимого депозита (*depositum necessarium*), который использовался во время стихийных бедствий или войны. В § I, фрагмента I, титула III, книги XVI Дигестов Юстиниана получила закрепление следующая норма права: «*Quod neque tumultus neque incendii neque ruinae neque naufragii causa depositum sit, in simplum, earum autem rerum, quae supra comprehensae sunt, in ipsum in duplum, in heredem eius, quod dolo malo eius factum esse dicitur qui mortuus sit, in simplum, quod ipsius, in duplum iudicium dabo*». — ‘В отношении того, что внесено на хранение не вследствие народного волнения, пожара, разрушения, кораблекрушения, я (претор — *V. E.*) дам иск в однократном размере, а в отношении тех вещей, которые сданы на хранение при вышеуказанных обстоятельствах, дам иск против лица, принявшего вещь на хранение, в двойном размере, а против наследника лица, принявшего на хранение, — в однократном размере, если что-либо произошло по злому умыслу умершего, и в двойном размере — если что-либо произошло по злому умыслу самого наследника’ [5, 408]. Пиратский набег также подпадал под его действие. В этом случае свободное население должно было позаботиться о сохранении собственности, т. е. ценных и нужных вещей. Люди обращались к хранителю, т. е. депозитарию. Если же вещь не возвращалась депозитарием по какой-то причине, то поклажедатель имел право на предъявление *actio depositi in factum in duplum* (о двукратном возмещении стоимости утраченной вещи). Иск *in duplum* преследовал цель навлечь на злоумышленника-депозитария бесчестье, поскольку тот сколачивал состояние на нужде поклажедателя. Данная норма закреплена в титуле CLXXXII, книги IV Институций Гая: «*Quibusdam iudicii damnati ignominiosi fiunt, uelut furti, ui bonorum raptorum, iniuriarum; item pro socio, fiduciae, tutelae, mandate, deposit. Sed furti aut ui (bonorum) raptorum aut iniuriarum non solum damnati notatur ignominia, sed etiam pacti, ut in edicto praetoris scriptum est; et recte: plurimum enim interest, utrum ex delicto aliquis an ex contractu debitor sit. Nec tamen ulla parte edicti id ipsum nominatim exprimitur, ut aliquis ignominiosus sit, sed qui prohibetur et pro alio postulare aut cognitorem dare procuratoremue habere, item (pro)curatorio aut cognitorio nomine iudicio interuenire ignominiosus esse dicitur*». — ‘Осужденные по некоторым искам подвергаются бесчестью; например, осужденные по

иску о воровстве, по иску об имуществе, отнятом насильем, по иску об обидах, о поручении, о поклаже; но за воровство или за насильственное отнятие имущества, или за обиды подвергаются бесчестью не только осужденные, но и те, которые по поводу упомянутых преступлений условились относительно вознаграждения; так значится в эдикте претора и правильно, ибо большая разница, является ли кто ответчиком по преступлению или по договору. Ни в какой части эдикта, трактующего об этом, прямо не предписано, чтобы кто-нибудь сделался бесчестным, но тот, кто препятствует предъявлять иск от имени другого, назначать представителя в процессе (когнатора), иметь заместителя (прокуратора), или от имени когнатора или прокуратора вести дело, признается бесчестным' [6, 328]. Во времена императора Юстиниана начало применяться наказание *in duplum* только в случае злого умысла, который рассматривался как *culpa lata*.

Частным случаем хранения являлся *depositum in sequestrem*, который имел место тогда, когда два лица или более, как правило в тяжбе за право собственности на какую-то вещь, приняли собственное решение о том, чтобы в соответствии с судебными обычаями того времени вещь была передана на хранение третьему лицу (*sequester*). Об этом свидетельствует норма права, закрепленная во фрагменте CX, титула XVI, книги L Дигестов Юстиниана, которая гласит следующее: «*“Sequester” dicitur, apud quem plures eandem rem, de qua controversia est deposuerunt: dictus ab eo, quod occurrenti aut quasi sequenti eos qui contendunt committitur*». — ‘Словом “секвестр” обозначается тот, у кого несколько лиц одну и ту же вещь, о которой ведется спор, оставили на хранение. Он так зовется оттого, что вещь вверяется тому, кто встречается или как бы следует (*sequor*) за теми, которые выигрывают судебное дело’ [9, 478]. При этом мы не исключаем, что кроме случая судебного разбирательства депозит мог быть сделан с целью передачи вещи тому, кто ее добивался (в определенной ситуации), например в пользу того, кто оказался победителем в скачках на ипподроме и получил приз.

Итальянский профессор Дженнаро Франчози предполагает наличие континуитета институтов *vindiciae* и *actio sacramenti in rem*, хотя данный континуитет, по его мнению, не является в полной мере характерным, «поскольку вещь оставалась на хранении у третьего лица, а не у одной из действующих сторон» [1, 368]. При этом не выясненным остается вопрос, какая из сторон должна получить вещь, находящуюся на хранении, поскольку ни одна из них не могла считаться действительным владельцем вещи. На практике в римском частном праве данный вопрос решался следующим образом. Претор выделял среди владельцев вещи секвестрария, который являлся условным владельцем. Его владение было защищено иском или интердиктом. В данном случае речь идет о случаях аномального, т. е. условного владения. Однако известно, что существовали еще такие владения, как пекарное, владение общественными участками, обложенными поземельным налогом (*vectigal*), и владение кредитора заложенным имуществом (D. XVI. III. XXV. I; XVI. III. XXVIII). Одна из наиболее характерных норм права, применяемая в случаях подобного рода, была изложена в § I, фрагмента XXV, титула III, книги XVI Дигестов Юстиниана: «*Qui pecuniam apud se non obsignatam, ut tantundem redderet, depositam ad usus proprios convertit post moram in usuras quoque iudicio depositi condemnandus est*». — ‘Тот, кто использовал к своей выгоде деньги, данные ему на хранение в незапечатанном виде, чтобы он их вернул в том же количестве, будет принужден по иску из хранения вернуть их и проценты по ним за время просрочки возвращения’ [5, 434]. В постклассический период развития римского частного права *actio depositi* получила наименование *actio sequestrataria*.

В эпоху Средневековья договор займа, как и другие реальные контракты римского частного права, претерпели определенные изменения в праве стран Европы. Наиболее типичным примером эволюции реальных соглашений в этот период является право Сербии. Основу данной правовой системы составляли славянские правовые обычаи и нормы римского частного права, которые за длительный исторический период трансформировались в отечественные правовые обычаи южных славян.

В средневековом сербском праве договор займа опирался на нормы формирующегося залогового права. Об этом свидетельствует ст. 90 Законника Стефана Душана, постановление которой гласит: «Залоги, где только находятся, да выкупаются» [10, 124]. Из чего следует, что в силу договора займа заимодавец передавал заемщику определенную сумму денег или определенное количество вещей (чаще всего продуктов питания — *V. E.*). В содержании указанного вида договора красной нитью прослеживается его классовая сущность. Заимодавцами чаще всего были представители господствующего класса — феодалы, а заемщиками обычно выступали обедневшие крестьяне. Неудивительно, что нормы уже раннего средневекового права Сербии, которые базировались на традициях римского частного права, защищают в первую очередь интересы заимодавца. Ст. 1, титула X Эклоги (славянская Эклога, титул X, ст.1) гласит, что заемщик не имеет права требовать отсрочки уплаты долга вследствие вражеского нашествия, морского кораблекрушения или по какой-либо другой причине. Следовательно, отсрочка долга не допускалась даже при непреодолимой силе, даже в случае таких стихийных бедствий, предотвратить которые было не в силах должник [11, 78]. Для средневековой Сербии набеги врагов были обычным явлением, и часто происходило полное разорение крестьян в ходе этих набегов. Однако никакая отсрочка долга не допускалась. Заемщик должен был вернуть долг в установленный договором срок.

При невыполнении заемщиком своих обязательств в установленный срок кредитор после нескольких предупреждений (не менее двух) имел право продать вещи, полученные в залог от заемщика. Из полученной суммы в результате реализации предмета залога кредитор имел право погасить долг заемщика, исходя из условий договора займа [12, 30]. Указанный подход к реализации института займа в немалой степени способствовал обезземеливанию, разорению крестьян, превращению их в зависимую категорию населения. Вместе с тем постановления действующих правовых актов на территории феодальной Сербии содержали и некоторые ограничения в отношении правомочий кредитора. Например, заимодавец в соответствии с постановлением ст. 3, титула X Эклоги (славянская Эклога, титул XI, ст. 1) не имел права брать в залог детей должника и привлекать их к работам, выполняемым рабами. Впрочем, указанная норма исполнялась формально.

В то же время указанная выше статья свидетельствует о наличии в обязательном праве средневековой Сербии института личной зависимости должника и его родственников от кредитора. Данный институт в форме личной кабальной зависимости был известен и в праве Древнерусского государства (ст.ст. 54, 56 Пространной редакции Русской Правды) [13, 68, 102—103]. Однако только в ст.ст. 76 и 78 Судебника 1550 г. прослеживается попытка русского законодателя по-новому рассматривать договор кабального холопства, т. е. личного залога. Закон устанавливает предельную сумму, за которую можно закабалиться, — 15 р., чтобы кабальный человек имел возможность хоть когда-нибудь расплатиться [14, 115, 116, 161]. Старые кабалы, сумма которых могла быть выше 15 р., сохранялись, но должны были соответствующим образом оформляться, после чего вопрос о неправомерности кабалы решался судом. При этом дело осложнялось фактами добровольного

заклада несостоятельных должников, но царский указ 1558 г. дал разъяснение о том, что такой заклад может длиться только «до искупу», т. е. установленного законом срока отработки долга [15, 144].

Однако недостаточно четкое определение и положение физических лиц в средневековом русском законодательстве выразилось в перенесении ответственности по обязательствам с конкретного лица, заключившего их, на третьих лиц — прежде всего на членов семьи: супруг отвечал по обязательствам другого супруга, отец — по обязательствам детей, дети — за отца [11, 79]. Перенесение ответственности допускалось, согласно ст. 22 Судебника 1550 г., также от господина на его людей: «А которые люди учнут искати на наместниках или на волостелех и на их людях по жалобницам...», слуг и крестьян, например, «правеж» применялся к лицам, лично не связанным по данному обстоятельству [14, 100]. Подобная солидарная ответственность распространялась и на имущество господина по долгам, сделанным его людьми (традиция, идущая от Русской Правды). Целью такого переноса ответственности было сохранение обязательств и имущественных интересов кредитора, т. е. идея была вполне рациональная и совпадающая с главными тенденциями в развитии данной отрасли права. Однако задача решалась старыми средствами, основанными на традиции и древнем солидаризме семьи, выступающей в качестве правового субъекта. И все же основанием для такого распространения порядка была не кровнородственная солидарность, а семейная общность имущества. Даже в случае с переносом ответственности с господина на крестьян и обратно законодатель имел в виду тот же мотив.

Согласно Синтагме Матвея Властаря, если в залог была дана вещь, приносящая плоды (т. е. заложен фруктовый сад — *В. Е.*), то плоды, собранные от этой вещи, должны быть зачислены в счет долга. При этом должны были быть учтены не только собранные плоды, но и те, которые были потеряны вследствие небрежности [16, 298].

Длительное время короли Сербии пытались сдерживать широкомасштабное разорение населения страны, которое вело к ослаблению обороноспособности государства. Осуществлялась политика сдерживания путем правового запрета церкви — потенциально сильному субъекту хозяйственной деятельности в стране — заниматься ростовщической деятельностью. Данная правовая традиция была заложена еще Святым Саввой в гл. 45 Номоканона (Кормчая книга) в 1219 г. и получила дальнейшее развитие в Хрисовулах королей Милутина и Стефана Душана Хиландарскому монастырю. Ограничения на занятие ростовщической деятельностью для Сербской церкви были сняты в 1388 г. на основании Хрисовула, выданного кесарем Грегуром Архангеловскому монастырю.

В отношении мирских лиц запрета на занятие ростовщической деятельностью в средневековой Сербии, как впрочем и в ряде сопредельных стран — Хорватии и Боснии, не было. На это указывает О. Станойвич в своей докторской диссертации «Заем в истории права». В частности, она подчеркивает, что нормы обычного права на территории Сербии, Хорватии и Боснии допускали величину процентной ставки в размере 6–12 % величины займа [17, 207]. В случае возникновения конфликтной ситуации в отношении выплаты долга и величины процентов истец (кредитор) в период раннего Средневековья апеллировал к законодательству Юстиниана и Эклоге, а с XIV в. к нормам Синтагмы М. Властаря. Например, указанный правовой акт допускал комиссионный сбор при покупке и продаже серебра в 8 % от суммы сделки, заем на оснащение корабля ограничивался 12 %. Заем плодов растений составлял 12 % годовых его величины [17, 203].

Договор займа в средневековой Сербии и соседствующих с ней странах заключался как в устной, так и документальной форме. Письменные документы

являлись лучшим доказательством наличия договора займа. В средневековом сербском государстве устное соглашение также применялось в отношении незначительных сумм займов до 4,5 перперов. Однако известны единичные случаи и о больших займах, которые выдавались без наличия письменных соглашений. Например, Боснийский бан Стефан Котроманич дал займы жителю г. Дубровника 4 647 перперов, что в те времена было очень большой суммой денег. Сын и наследник бана потребовал от заемщика вернуть долг. Дело дошло до судебного разбирательства в г. Дубровнике. Несмотря на то что письменного доказательства не было, суд иск истца, т. е. наследника С. Котроманича, удовлетворил на основе клятвы посланника бана Твратка, который был свидетелем данной сделки [17, 210].

Средством обеспечения договора займа с древних времен являлся залог и поручительство.

Залог на недвижимое имущество в праве средневековой Сербии, как и других славянских государств, осуществлялся в двух формах. Во-первых, передача заложенного имущества кредитору, притом, что кредитор эксплуатировал переданных ему вместе с имением людей в счет процентов по займу и мог переуступать свои права другим лицам, и, во-вторых, ипотека, т. е. залог в форме записи долгов на имении в судебных книгах, без передачи имения кредитору. Движимые вещи могли передаваться в залог без письменного засвидетельствования у должностных лиц. В случае если залогодатель не выкупал в указанный в соглашении срок своей вещи, возможны были два варианта: либо залогодержатель обращал ее в свою собственность и поступал с ней по своему усмотрению, если это было заранее оговорено в соглашении, либо залогодержатель обязан был продать заложенную вещь и из полученной суммы вычесть свой долг, а остаток вручить залогодателю. При этом право собственности на заложенные недвижимые вещи, с правом их последующего выкупа, можно было передавать родственникам и наследникам.

Недвижимое имущество, переданное кредитору в залог, как правило, не переходило в его собственность и по истечении срока давности, но если в соглашении о займе и залоге имелась специальная оговорка о сроке платежа, то невыкупленное заложенное имение переходило в собственность залогодержателя. Залогодержатель имел преимущественное право на первоочередное удовлетворение своих требований с заложенного имущества должника по сравнению с другими кредиторами.

Институт залога движимого и недвижимого имущества в праве средневековой Сербии по форме и содержанию базировался на нормах римского права. Например, в залоговом праве средневековой Сербии, как в римском частном праве, широко использовалась ипотека, т.е. залог в форме записи долгов в судебных книгах, без непосредственной передачи собственности должника в руки кредитора.

Нередко в качестве должника выступало и государство, когда у него не было наличных денег для удовлетворения насущных потребностей. В таких случаях сербское и сопредельное с ним государства нередко обращались к принудительным займам у частных лиц, предоставляя им в обеспечение часть своих доходов. Например, 18 октября 1323 г. большое вече г. Дубровника постановило, что ввиду приближения дня Св. Дмитрия, когда должна быть произведена уплата дани королю Сербии Урошу-Стефану Дечанскому, республике необходимо занять недостающие для выплаты 800 перперов. Ссуда этой суммы была распределена между 150 лицами, под залог им одной трети таможенных доходов [18, 242].

Средневековое право Сербии знало договор вклада. В его основе лежал реальный договор, который известен в римском частном праве как договор

хранения (*depositum*). Сущность данного договора заключалась в том, что на поклажепринимателе лежала обязанность хранить вещь в течение определенного времени, а затем по требованию поклажедателя — вернуть ее.

Вклад как вид договора в средневековой Сербии и сопредельных с ней приморских территориях оформлялся на основе двусторонних договоров правителей Сербии и г. Дубровника, заключенных в 1252, 1254, 1282, 1302, 1362 и 1387 гг. [19, 184, 201]. Согласно принятым обязательствам, договорившиеся стороны гарантировали неприкосновенность имущества подданным обеих государств на своей территории. С одной стороны, представители правящей династии и сербская знать делали вклады своего движимого имущества (драгоценности, слитки золота и серебра, ценные вещи) в г. Дубровнике, страхуя себя от внутренних и внешних неприятностей, т. е. на случай бегства из страны. С другой стороны, дубровчане приобретали в Сербии недвижимое имущество. Синтагма Матвея Властаря являлась правовой основой, которая регулировала ответственность за сохранность имущества (*дипозитарий*) подданных Сербии в г. Дубровнике [16, 95—203]. Интересы дубровчан соблюдались на основе ст. 125 Законника Стефана Душана, предписывающей владеть тем имуществом, которое и ранее им принадлежало.

В случае причиненного ущерба имуществу, находящемуся на сохранении, или его полной гибели возникали обязательства из причинения вреда, которые регламентировались законодательно и защищались действием прямого иска. При этом сторона договора, ответственная за сохранность имущества по договору поклажи, не несла ответственности при случайной гибели имущества (стихийное бедствие, кража и т. д.), т. е. риск случайной гибели имущества лежал на собственнике этого имущества. Законодатель при этом считал, что вещи собственника, которые были похищены или погибли в результате пожара вместе с имуществом хранителя поклажи, попадали под условие случайной потери. Хозяин утраченного имущества должен был присягнуть в том, что эти вещи «не скорыстил и ку пожитку своему своему ничего не обернул».

С конца XIII в. на основе договора вклада в средневековой Сербии начинает формироваться новый вид реального договора — договор банковского вклада. Данный договор также являлся реальным договором по содержанию, но при этом был двусторонним и возмездным. Известно, что сербский вельможа Сандал Гранич из Конавля в начале XV в. сделал вклад в размере 12 000 перперов в Дубровницкий банк исходя из 5 % годовых на вечные времена [20, 111]. В данном случае мы имеем дело с бессрчным вкладом.

В рамках данного вида договора вклады уже размещались не только с целью хранения, но и получения дохода в форме процентной ставки. В связи с этим мы можем сделать вывод, что в исследуемый исторический период в средневековом праве Сербии сформировался самостоятельный гражданский договор на основе развития правоотношений, которые уже включали элементы возмездного оказания услуг и хранения.

Анализ реальных договоров в праве средневековой Сербии показал, что нормы данного вида договоров ощущали на себе серьезное влияние римского частного права. Правоприменение договора займа в праве средневековой Сербии способствовало развитию важнейших институтов залогового права, которые были реципированы из римского частного права. В их числе были залог движимого и недвижимого имущества, поручительство как форма обеспечения обязательства.

Вклад как вид реального договора получил широкое распространение в праве средневековой Сербии в виде договора поклажи, содержанием которого является сохранность чужой собственности. По характеру данный договор, как и договор хранения в римском частном праве, является имущественным,

требующим соответственного оформления и возлагающим на лицо, сохраняющее имущество, определенную ответственность. Основное требование законодателя к хранителю имущества в праве средневековой Сербии сводилось к обеспечению сохранности имущества с последующим его возвращением в том виде, в котором оно поступило на сохранение. В случае гибели или повреждения имущества собственника, в то время как вещи хранителя поклажи остались неповрежденными, последний обязан был те вещи вернуть или уплатить их стоимость. Риск случайной гибели лежал на хранителе поклажи (хозяине дома) и в том случае, если вещи собственника хранились отдельно от имущества хозяина, а последний использовал их или перенес в другое место.

На рубеже XIII—XIV в. на основе договора вклада в средневековом праве Сербии начинает формироваться новый вид реального договора — договор банковского вклада. Данный договор являлся также реальным договором по содержанию, но при этом был двусторонним и возмездным. Данный вид договора, как и другие реальные соглашения в праве средневековой Сербии, также реализовывался на основе норм римского частного права.

Литература

1. Франчози, Д. Институционный курс римского права : пер. с итал. / Д. Франчози. — М. : Статут, 2004. — 428 с.
Franchozzi, D. Institucionnyiy kurs rimskogo prava [The institutional course of Roman law] : per. s ital. / D. Franchozzi. — М. : Statut, 2004. — 428 p.
2. Пухан, И. Римское право / И. Пухан, М. Поленак-Акимовская ; пер. с македон. В. А. Томсинова и Ю. В. Филиппова. — М. : Зерцало, 2000. — 448 с.
Puhan, I. Rimskoe pravo [Roman law] / I. Puhan, M. Polenak-Akimovskaya ; per. s makedon. V. A. Tomsinova i Yu. V. Filippova. — М. : Zertsalo, 2000. — 448 p.
3. Дигесты Юстиниана : в 7 т. / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2005. — Т. VII. Полутом 1 : Кн. XLV—XLVII. — 552 с.
4. Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М. : Зерцало, 1997. — 608 с.
5. Дигесты Юстиниана : в 7 т. / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2002—2005. — Т. III : Кн. XII—XIX, 2003. — 780 с.
6. Гай. Институции / Гай : пер. с лат. Ф. Дадьинского ; под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. — М. : Юрист, 1997. — 368 с.
Gay. Institutsii [Institutiones] / Gay : per. s lat. F. Dadyinskogo ; pod red. V. A. Saveleva, L. L. Kofanova. — М. : Yurist', 1997. — 368 p.
7. Новицкий, И. Б. Основы римского гражданского права / И. Б. Новицкий. — М. : Зерцало, 2000. — 400 с.
Novitskiy, I. B. Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava [Basics of Roman civil law] / I. B. Novitskiy. — М. : Zertsalo, 2000. — 400 p.
8. Барон, Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. / Ю. Барон ; предисл. В. В. Байбака. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. — Кн. 4 : Обязательственное право. — 1102 с.
Baron, Yu. Sistema rimskogo grazhdanskogo prava [System of Roman civil law] : v 6 kn. / Yu. Baron ; predisl. V. V. Baybaka. — SPb. : Yurid. tsentr Press, 2005. — Kn. 4 : Obyazatel'stvennoe pravo. — 1102 p.
9. Дигесты Юстиниана : в 7 т. / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2005. — Т. VII. Полутом 2 : Кн. XLVIII—L. — 564 с.
10. Законик цара Стефана Душана : Бараьски, Призренски, Шишатовачки, Раковачки, Раванички и Софијски рукопис ; уредници акад. М. Пешакан, И. Грицкат-Радуловић, М. Јовичић. — Београд : Српска Академија наука и уметности, 1997. — Књ. III. — 499 с.
11. Ермолович, В. И. Основные институты обязательственного права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (сравнительный анализ) / В. И. Ермолович // Вестн. Вышш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. — 2008. — № 11. — С. 78—85.

Ermolovich, V. I. Osnovnyie institutyi obyazatelstvennogo prava srednevekovoy Serbii i stran kontinentalnoy Evropyi (sravnitelnyiy analiz) [The basic institutions of the law of obligations medieval Serbia and the countries of continental Europe (comparative analysis)] / V. I. Ermolovich // Vestn. Vyissh. Hoz. Suda Resp. Belarus. — 2008. — N 11. — P. 78–85.

12. *Ермолович, В. И.* Право средневековой Сербии (XII–XV вв.) : моногр. / В. И. Ермолович. — Минск : БГЭУ, 2003. — 120 с.

Ermolovich, V. I. Pravo srednevekovoy Serbii (XII–XV vv.) [Right medieval Serbia (XII–XV centuries)] : monogr. / V. I. Ermolovich. — Minsk : BGEU, 2003. — 120 p.

13. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. — М. : Юрид. лит., 1984–1991. — Т. 1 : Законодательство Древней Руси. — 1984. — 342 с.

14. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. — М. : Юрид. лит., 1984–1991. — Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — 1985. — 520 с.

15. *Ермошин, В. В.* Развитие русского права в XV– первой половине XVII в. / В. В. Ермошин, Н. Н. Ефремова, И. А. Исаев. — М. : Наука, 1986. — 288 с.

Ermoshin, V. V. Razvitie russkogo prava v XV– pervoy polovine XVII v. [Development of Russian law in XV – first. Paul. XVII] / V. V. Ermoshin, N. N. Efremova, I. A. Isaev. — M. : Nauka, 1986. — 288 p.

16. *Флоринский, Т. Д.* Памятники законодательной дѣятельности Душана Царя Сербовъ и Грековъ. Хрисовулы. Сербскій Законникъ. Сборники византийскихъ законовъ / Т. Д. Флоринскій. — Киевъ : Император. ун-т св. Владиміра, 1888. — 491 с.

17. *Stanojević, O.* Zajam u istoriji prava. Doktorska disertacija branjena 4 jula 1964 godine na Pravnom fakultetu u Beogradu pred komisijom... — Beograd : Univerzitet u Beogradu, 1964. — 325 s.

18. *Флоринский, Т. Д.* Критическія и библиографическія замѣтки: Новые матеріалы для исторіи Дубровника / Т. Д. Флоринскій // Журналь министерства народнаго просвѣщенія. — 1880. — Ч. ССXI. — № 9. — С. 222–261.

19. *Новаковић, С.* Законски споменци српских држава средњег века / С. Новаковић. — Београд : Српска Академија наука, 1912. — 912 с.

20. *Макушевѣ, В. В.* Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника / В. В. Макушевѣ. — СПб. : Император. академія наукъ, 1867. — 446 с.

VIKTAR YERMALOVICH

REAL CONTRACTS IN THE ANCIENT ROMAN PRIVATE LAW AND THE LAW OF MEDIEVAL SERBIA

Author affiliation. *Viktar YERMALOVICH* (jermalovich7@gmail.com), *Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. The article looks into the contracts of loan, security and storage in the Roman private law and the law of medieval Serbia as real contracts. The mechanism of content and enforcement of real contracts is analyzed as well as emergence of legal relationship liability. The process of Roman private law reception into the legal system of medieval Serbia is considered..

Keywords: real contracts; Roman private law; law of medieval Serbia.

UDC 34(37)091:347.4(09)(4)

*Статья поступила
в редакцию 03.03. 2017 г.*